

DOI 10.5862/JHSS.244.7

УДК 93

С.В. Кулик, Е.А. Самыловская

УЧАСТИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ДВИЖЕНИИ СОВЕТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В 1941–1944 ГГ.

В статье рассмотрено участие православного духовенства в движении антифашистского Сопротивления на оккупированной территории Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. На основе анализа малоисследованных архивных источников и российской историографии проанализировано его положение во время нацистской оккупации. Отмечен тот факт, что священники оказались в центре идеологической конфронтации фашистской и советской пропаганды. Оккупанты возлагали надежды на религиозный фактор в их пропагандистской политике, поэтому возродили религиозный культ. Подпольщики и партизаны, в свою очередь, только в начале 1942 г. осознали важность привлечения духовенства к борьбе против захватчиков. С 1942 г. священники активно помогали партизанам, осуществляя разведку и диверсии. Они проводили антигитлеровскую агитацию и пропаганду среди населения, вносили средства в фонд обороны. Авторы статьи пришли к выводу, что, несмотря на предыдущие репрессии, направленные против Русской православной церкви, многие священники как истинно русские патриоты поддерживали антифашистское движение Сопротивления.

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО; РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ; ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; НАЦИСТСКАЯ ОККУПАЦИЯ; СЕВЕРО-ЗАПАД РОССИИ; КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ; СОВЕТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ.

В последние десятилетия наблюдается устойчивый интерес отечественных исследователей к изучению деятельности православного духовенства, оказавшегося на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны. Обычно историки фокусируются на изучении сотрудничества духовенства с немецкими захватчиками — «духовном коллаборационизме». Данная проблематика поднята в фундаментальных исследованиях Д.В. Поспеловского [11], М.В. Шкаровского [13, 14], В.Н. Якунина и Б.Н. Ковалева [5–7]. При этом участие православного духовенства в вооруженном Сопротивлении изучено не столь хорошо.

Последовательная политика атеизации, проводившаяся советским руководством на протяжении 1920–1930-х гг., привела к тому, что к началу Великой Отечественной войны на свободе почти не осталось священников Русской православной церкви (РПЦ). Закрытие храмов нередко сопровождалось действиями, которые были направлены на оскорбление

чувств верующих: церкви использовались в качестве конюшен и хлебов, иконы сжигались, на предметы культа испражнялись, священнические ризы одевались на собак и свиней [4, л. 12]. В действующих же церквях могли проходить одновременно религиозные службы и занятия союза воинствующих безбожников. Так, в действующем смоленском кафедральном соборе находился антирелигиозный музей. Подобный музей существовал также в закрытом советской властью кафедральном соборе Псковского кремля [5, с. 245].

Северо-Западная Россия наиболее пострадала от данной политики: десятки православных, католических и протестантских храмов были взорваны, а остальные использовались под хозяйственные нужды и жилые помещения. На территории Ленинградской области, образованной в 1928 г. и включавшей в себя Новгородскую, Псковскую, Мурманскую, а также части Вологодской, Тверской и Смоленской областей, в 1917 г. было 2500 православ-

ных храмов (из 2654 всех конфессий). К 1929 г. 530 церквей было закрыто, а с начала 1930-х гг. началось массовое закрытие храмов [7, с. 499; 12, с. 16]. В конце 1930-х гг. за пока открытыми храмами был установлен тщательный контроль. Имена большинства посетителей храмов были известны НКВД: те прихожане, которые представляли хоть какую-то опасность, высылались [12, с. 19]. В итоге к лету 1941 г. в Ленинградской епархии был открыт только 21 православный храм (13 церквей в Ленинграде и пригородах). К примеру, в Смоленске, где до войны было почти 170 тыс. жителей, действовала только одна церковь [Там же. С. 21]. Поэтому неудивительно, что немецкие оккупанты возлагали на «духовный коллаборационизм» особые надежды, рассматривая православное духовенство в качестве потенциального союзника.

Религиозный фактор играл важную роль в фашистской пропаганде. Еще в 1933 г. нацистская Германия заключила конкордат, позволивший привлечь на свою сторону часть католиков. Так, 18 октября 1944 г. из валлонских добровольцев-католиков была сформирована 28-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС «Валлония» (1-я валлонская), воевавшая на Восточном фронте фактически до апреля 1945 г. В 1941 г. образовался идеологический союз нацистов с арабскими националистами в Палестине для борьбы с евреями. Лидер арабских националистов Амин аль-Хусейни на встрече с А. Гитлером в ноябре 1941 г. назвал фюрера «защитником ислама», а тот, в свою очередь, пообещал муфтию уничтожить еврейские элементы на Ближнем Востоке. Также аль-Хусейни сказал Гитлеру, что нацисты и арабы — естественные союзники, так как имеют общих врагов — «союзников», евреев и коммунистов. После этого при прямой поддержке А. аль-Хусейни нацистам удалось собрать несколько особых дивизий СС на Балканах, состоявших преимущественно из мусульман. Первой подобной дивизией СС стала 13-я горная дивизия СС «Ханджар» (1-я хорватская) [16, с. 456–458].

Стоит отметить, что у части руководства нацистской партии отношение к христианской религии носило двойственный характер. С одной стороны, в немецкой армии существовал институт военных священников, а с другой — предпринимались попытки восстановления языческих культов. Гитлер считал, что церковь

должна «сгинуть до конца, подобно зараженному гангреной органу» [5, с. 246]. По отношению к православной церкви лидер нацистов имел следующую точку зрения: он говорил, что открытие храмов необходимо использовать в пропагандистских целях, но при этом возражал против единой православной церкви в России [Там же].

С первых дней оккупации захватчики начали активную религиозную пропаганду среди населения Северо-Запада России. Людям внушалась мысль, что нравственность, религия и советская власть несовместимы. На Новгородчине и Псковщине захватчики открыли порядка 100 храмов, которые виделись гитлеровцами идеальным местом для проведения антисоветской пропаганды. Например, сразу же после захвата Смоленска в июле 1941 г. нацистами был открыт местный кафедральный собор. Согласно замыслу немецкого командования, этот храм должен был стать религиозно-идеологическим центром. В 1942 г. в городе действовали уже пять церквей и пасторские курсы [7, с. 499].

Массовое открытие храмов и сопутствовавший этому религиозный подъем подтолкнули министра по делам восточных областей А. Розенберга в июне 1942 г. составить эдикт терпимости, в котором определялась немецкая религиозная политика на оккупированной территории. В нем провозглашались религиозная свобода и право верующих образовывать религиозные объединения. Однако последние должны были оставаться автономными, что не допускало возрождения сильной единой РПЦ. Данный эдикт так и не увидел свет из-за вмешательства М. Бормана [Там же. С. 249].

При этом в среде духовенства осуществлялась активная вербовка для контрразведывательной работы. Так, СД проводила вербовку среди руководства созданной в 1941 г. Псковской православной миссии и подчиненного ей духовенства. От священников требовалось развернуть активную пропагандистскую деятельность против советской власти, тесно сотрудничать с немецкими органами безопасности, а также призывать население оказывать помощь германскому командованию в строительстве оборонительных сооружений и сдавать продовольствие для нужд германской армии [10, с. 356]. С 1942 г. священников обязали проводить работу по выявлению партизан [14, с. 398].

В результате Православная миссия сдала в руки контрразведывательных органов порядка 144 партизан и советских патриотов, боровшихся против фашистов [10, с. 358]. Особое доверие у захватчиков было к священникам, пострадавшим от советских репрессий: хотя многие из них являлись агентами НКВД, завербованными чекистами под страхом репрессий, они начали искренне помогать немцам, видя в них освободителей от безбожной советской власти. Не случайно в миссию в качестве священников было принято значительное число репрессированных: бывший благочинный Лужского района протоиерей Завлоцкий, священник Михаил Образцов, дьякон Казанского собора Сергей Самгин, иеромонах Анатолий Стальников, протодьякон Гатчинского собора Василевский, настоятель церкви в селе Рождествено протоиерей Петр Кудринский и др. [Там же. С. 398]. Фашисты не препятствовали открытию новых храмов на Северо-Западе России, и к концу периода оккупации количество священников в них достигало 175 человек, а количество приходов – 200 [7, с. 484].

В условиях страшнейшей войны церковь обладала огромным влиянием на население. Так, в крещенском крестном ходе 1942 г. во Пскове участвовало 10 тыс. человек (40 % от всей численности оставшегося в городе населения) [5, с. 257]. Таким образом, принятые оккупационным руководством меры были эффективны. Причины этого следует видеть также и в том, что в начале войны советская власть по инерции считала церковь врагом. Силы советского Сопротивления, хотя и понимали, что религиозная политика оккупантов находит значительную поддержку у населения, всё же предпочитали бороться с духовенством физическими методами: в нескольких населенных пунктах священники были расстреляны партизанами [2, л. 56].

Участники партизанского движения в основном враждебно относились к развитию церковной жизни на оккупированных территориях, так как многими из партизанских отрядов, начавших действовать сразу после начала оккупации, руководили специально оставленные после отступления партийные работники или сотрудники НКВД, которые принимали активное участие в антирелигиозных гонениях 1930-х гг. В качестве примера можно привести

слова начальника Брянского штаба партизанского движения старшего майора госбезопасности Ширяева, который в своем донесении весной 1942 г. сообщал, что *«вся деятельность церковников направлена на разжигание ненависти среди населения и усиление антисоветской пропаганды, проведение контрреволюционной работы и прямое активное сотрудничество с немецким командованием и властями»* [7, с. 503].

Как следствие, священники часто слышали угрозы в свой адрес или были вынуждены прятаться в случаях прихода партизан. Например, служившего в Казанской церкви Пушкинских Гор иеромонаха Иосафа (Дмитриева) однажды по дороге в соседний приход задержали партизаны и угрожали физической расправой в том случае, если он не прекратит заниматься своей пастырской деятельностью [9, с. 23].

Тем не менее некоторые священники считали необходимым в своих проповедях говорить о неизбежности победы русского оружия и служили молебны за здоровье односельчан, воевавших в Красной армии. К началу 1942 г. к подпольщикам и партизанам пришло осознание, что для победы над врагом необходимо налаживание связей со служителями культа. Через своих агентов они получали информацию о священниках, которые в своих проповедях не воспевали оккупационный режим, а занимали по отношению к нему нейтральную, выжидательную или отрицательную позицию, после чего этим священникам рассылались письма, где со ссылкой на Отечественную войну 1812 г. содержался призыв к объединению всех сил в борьбе с немцами [3, л. 67].

Привлечению духовенства к борьбе с захватчиками способствовало официальное примирение РПЦ и советской власти, произошедшее в 1943 г. Ленинградский штаб партизанского движения летом 1943 г. наладил регулярные поставки печатной продукции религиозно-патриотического содержания на оккупированные территории. Ленинградский митрополит Алексий неоднократно обращался к верующим, оказавшимся на оккупированной территории, с призывами поддержать народное сопротивление немецким войскам. До примирения при богослужениях на оккупированной территории возносилось не только имя экзарха в Прибалтике митрополита Сергия (Воскресенского), но и Местоблюстителя Патриаршего престола Сер-

гия. После 1943 г. упоминание патриарха Московского Сергия было запрещено оккупантами, но в условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне многие священники отказывались выполнять этот приказ. Некоторые из них открыто заявляли о том, что московский патриарх являлся «*настоящим патриотом Православной церкви*» [3, л. 68].

В 1943 г. отношение захватчиков к православной церкви существенно изменилось: они перешли к политике ограбления и осквернения храмов. Согласно бюллетеню полиции безопасности от 5 февраля 1943 г., церкви, разрушенные при советском режиме или во время военных действий, не должны были восстанавливаться или приводиться в соответствие с их назначением органами вооруженных сил. В конце 1943 г. в Новгороде оккупанты вели себя по отношению к храмам не лучше, чем большевики в 1920–1930-х гг.: церкви использовались в качестве казарм, уборных общего пользования, наблюдательных пунктов, конюшен, гаражей, дзотов, овощных складов, кабаре, лазаретов и штабов военных частей. В храмах разбрасывалась порнографическая литература, а на стенах появлялись «*бесстыжие фотоснимки и беззастенчивые акварели*» [7, с. 526–527]. Безусловно, данная политика привела к изменению отношения значительной части православного духовенства к оккупационному режиму.

Кроме того, активному сотрудничеству партизанских отрядов со священнослужителями на оккупированных территориях способствовали распоряжения советского командования, которое весной 1943 г. поставило перед ними ряд первостепенных задач. Среди них были требования активизировать партизанскую войну, поднимая на вооруженную борьбу всё население оккупированных районов, и развернуть широкую агитацию и пропаганду против различных гитлеровских акций [8, с. 30]. Безусловно, для выполнения поставленных задач необходимо было наладить тесное сотрудничество со служителями культа.

Подпольщики и партизаны поделили всё православное духовенство на три основных категории. К первой категории относились служители культа, активно помогавшие партизанам (осуществляли разведку, а иногда даже проводили террористические акции), ко второй — священнослужители, оказывавшие со-

действие в агитации и пропаганде (проводили патриотические проповеди, распространяли советские листовки и газеты), к третьей — священники, передававшие свои средства в фонд обороны. Самой многочисленной категорией была последняя — к ней относились более половины от общего числа священнослужителей [3, л. 67–68]. Очевидно, что самой малочисленной, но самой активной была первая категория. Следовательно, формы антифашистского Сопротивления среди православного духовенства были весьма разнообразны. Ряд служителей культа активно помогал партизанам: одни собирали разведывательную информацию и участвовали в подготовке диверсий; другие предоставляли партизанам пищу, одежду и ночлег; третьи вели антифашистскую пропаганду; четвертые отказывались служить молебны в честь германской армии, призывали сопротивляться насильственной эвакуации немцами. Многие священники собирали средства в советский фонд обороны.

Понимая важность роли священнослужителей в пропагандистской работе, руководство партизанских отрядов иногда «назначало» священников в церкви. Подобный случай произошёл со священником Н. Соловьёвым, который в конце ноября 1943 г. после сожжения оккупантами сел Илемно и Заплеменье вместе со всеми жителями был заключен в лагерь Блудово. Через пять дней его отпустили, после чего он был задержан представителями советского Сопротивления и передан в особый отдел 5-й партизанской бригады. Вскоре по предложению председателя чрезвычайной тройки штаба бригады Соловьёв возглавил приход в селе Дубенки. Здесь священник проводил пропаганду среди верующих и собрал 7500 рублей на танковую колонну и много подарков бойцам Красной армии. Лишь после прихода советских войск в феврале 1944 г. он смог обратиться за благословением к митрополиту Ленинградскому Алексию [1, л. 12–33].

О росте патриотического движения среди православного духовенства с 1943 г. свидетельствуют партизанские листовки. Так, в одной из них говорилось о расстрелянном немцами священнике, память о котором чтит партизаны и население одного из оккупированных районов Северо-Запада: священник в своих проповедях вместо прославления германского оружия

рассказывал о Дмитрие Донском, Александре Невском, Сергии Радонежском и о том, как «они от насильников и порабощителей отстаивали землю русскую» [9, с. 24].

К сожалению, остаются неизвестными имена многих священников, так или иначе принимавших участие в движении Сопротивления, но некоторые из них удалось установить.

Активно сотрудничал с партизанами во Пскове в 1941–1944 гг. будущий епископ Кировский и Слободской Иоанн (Иван Спиридонович Иванов), после чего по заданию Москвы отступил вместе с беженцами в Ригу, где также наладил связи с местными партизанами, за что был награжден орденом Красного Знамени [14, с. 396].

Семидесятилетний священник Александр-Невской церкви в деревне Видони Уторгошского района Мефодий Белов был разведчиком, а его дочь Руфа с благословения отца ушла в партизаны. Немцы расстреляли священника за попытку сорвать планы оккупантов по насильственной эвакуации русского населения в немецкий тыл [2, л. 68].

Священник Федор Андреевич Пузанов активно помогал партизанам с 1942 г. В течение 1943 г. он собирал среди верующих средства для строительства танковой колонны «Дмитрий Донской». Священнику удалось собрать пожертвований на общую сумму 500 тыс. рублей, они были переданы партизанами на Большую землю. За помощь в организации советского Сопротивления Пузанов был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени [3, л. 67].

С 1941 г. помогал партизанам настоятель Успенской церкви села Гагрино Плюсского

района о. Дмитрий Евдокимов: священник кормил их и оказывал материальную помощь, а также выполнял задания, «рискуя своей жизнью» [14, с. 410].

Проводил разведывательные операции настоятель церкви в деревне Дубановичи Карамышевского района Псковского округа о. Кирилл. Кроме того, священник вел пропаганду среди населения (по окончании богослужения зачитывал в храме сводки Совинформбюро) и собрал в фонд обороны 50 тыс. рублей [10, с. 406–407].

Священник Жуковской церкви Невельского района И.Я. Щемелев призывал молодежь вступать в партизанские отряды [15, с. 150].

Таким образом, благодаря активной антисоветской пропаганде, проводившейся оккупационным режимом, значительная часть православного духовенства Северо-Запада России оказалась на стороне захватчиков, став марионеткой в их руках. Этому способствовала также недалёковидная политика руководства партизанских отрядов на первом этапе войны, согласно которой православная церковь и духовенство объявлялись злейшими врагами. Однако постепенное осознание как на высшем уровне, так и на местах необходимости объединения всех сил в борьбе против фашистов способствовало налаживанию сотрудничества между представителями движения советского Сопротивления и священнослужителями. Многие православные священники стали союзниками и сподвижниками партизан и подпольщиков в борьбе за освобождение Родины от немецко-фашистских захватчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Новгородской области. Д. 1а/14687.
2. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191.
3. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201.
4. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 432.
5. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.
6. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 544 с.
7. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 662 с.
8. Кулик С.В. Категории партизанских отрядов в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) // Военно-юридический журнал. 2006. № 11. С. 27–32.
9. Кулик С.В. Православная церковь на оккупированной территории Северо-Запада России в 1941–1944 гг. // Чело. 2009. № 1 (43). С. 20–27.
10. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. I. СПб.: Нева: Олма-Пресс, 2002.
11. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 509 с.

12. **Шкаровский М.В.** Репрессии 1930-х гг. против священнослужителей Северо-Запада России // Ежегодная богословская конф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского ун-та, 2013. С. 16–22.

13. **Шкаровский М.В.** Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве. М.: Крутиц. Патр. подворье и др., 1999. 400 с.

14. **Шкаровский М.В.** Церковь зовет к защите Родины: религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Сатисъ-Держава, 2005. 620 с.

15. **Якунин В.Н.** Вклад Русской православной церкви в победу над фашизмом и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тольятти: Современник, 2002. 319 с.

16. **Kulik S., Matveichuk E., Samylovskaya E., Eidemiller C.** The Catholicism and Sunni position and role in the Fascism and National Socialism ideological coordinate system at the turning point of the Second World War // 2nd Int. Multidisciplinary Scientific Conf. on Social Sciences and Arts SGEM-2015. Aug. 26 – Sept. 1. В. 3, vol. 1. P. 455–462. URL: www.sgemsocial.org.

КУЛИК Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kulik54@mail.ru

САМЫЛОВСКАЯ Екатерина Анатольевна – ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

S.V. Kulik, E.A. Samylovskaya

THE PARTICIPATION OF THE ORTHODOX CLERGY IN THE MOVEMENT OF SOVIET RESISTANCE IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE NORTH-WEST OF RUSSIA IN 1941–1944

The article considers the participation of Orthodox priests in the Soviet resistance movement in occupied territories of the Northwest of Russia during the Great Patriotic War. On the basis of the analysis of the insufficiently studied archival sources and Russian historiography the position of Orthodox clergy during the Nazi occupation were examined. The authors pay attention to the fact that priests found themselves at the center of ideological confrontation of the Nazi and Soviet propaganda. Nazi occupants laid their hopes on the religious factor in their propagandistic policy, therefore they have revived religious cult. In turn, only the beginning of 1942 members of an underground and partisans realized the importance of involvement of clergy to fight against the invaders. Since 1942 the priests actively helped partisans, carrying out reconnaissance and sometimes acts of terrorism. Also they carried out The anti-nazi agitation and propaganda among the population and provided the means to the defense fund. As a result the authors has come to the conclusion that, despite the previous repression against the Russian Orthodox Church, many priests supported the Soviet resistance movement. Contrary to the expectations of the Nazis that the churches became the center of anti-Soviet propaganda, they became centers of Russian national identity.

ORTHODOX CLERGY; RUSSIAN ORTHODOX CHURCH; GREAT PATRIOTIC WAR; NAZI OCCUPATION; NORTHWEST OF RUSSIAN; COLLABORATION; SOVIET RESISTANCE MOVEMENT.

REFERENCES

1. [Archive of the Federal Security Service of the Novgorod Region]. D. 1a/14687.
2. [State Archive of Contemporary History of the Novgorod region]. F. 260. Op. 1. D. 191.
3. [State Archive of Contemporary History of the Novgorod region]. F. 260. Op. 1. D. 202.
4. [State Archives of the Novgorod Region]. F. R-1244. Op. 1. D. 432.
5. Kovalev B.N. *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy* [Collaboration in Russia in 1941–1945: The types and forms]. Velikiy Novgorod, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise Publ., 2009. 372 p. (In Russ.)
6. Kovalev B.N. *Nacistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii. 1941–1944* [The Nazi occupation and collaboration in Russia. 1941–1944]. Moscow, AST, Tranzitkniga Publ., 2004. 544 p. (In Russ.)
7. Kovalev B.N. *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period natsistskoy okkupatsii* [Everyday life of Russian population during the Nazi occupation]. Moscow, Young Guard Publ., 2011. 662 p. (In Russ.)
8. Kulik S.V. [Categories guerrilla groups in the Great Patriotic War (1941–1944 gg.)]. *Military Law Journal*, 2006, no. 11, pp. 27–32. (In Russ.)
9. Kulik S.V. [The Orthodox Church in the occupied territory of the North-West of Russia in 1941–1944]. *Brow*, 2009, no. 1 (43), pp. 20–27. (In Russ.)
10. Lomagin N.A. *Neizvestnaya blokada* [The Unknown blockade]. B. I. St. Petersburg, Neva, Olma-Press Publ., 2002. (In Russ.)
11. Pospelovskiy D.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Republic Publ., 1995. 509 p. (In Russ.)
12. Shkarovskiy M.V. [The repression of the 1930s. against the priests of the North-West of Russia. Annual Theological Conf. of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities]. Moscow, Publishing House of St. Tikhon's Orthodox University, 2013. Pp. 16–22. (In Russ.)
13. Shkarovskiy M.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Hrushcheve* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev]. Moscow, Krutitskiy Patriarchal Compound et al. Publ., 1999. 400 p. (In Russ.)
14. Shkarovskiy M.V. *Tserkov' zovet k zashchite Rodiny: religioznaya zhizn' Leningrada i Severo-Zapada v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Church calls for the defense of the homeland: religious life of Leningrad and the North-West during the Great Patriotic War]. St. Petersburg, Satis Power Publ., 2005. 620 p. (In Russ.)
15. Jakunin V.N. *Vklad Russkoy pravoslavnoy Tserkvi v pobedu nad fashizmom i izmenenie gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The contribution of the Russian Orthodox Church in the victory over fascism and the change in church-state relations in the years of the Great Patriotic War 1941–1945 gg.]. Tolyatti, Contemporary Publ., 2002. 319 p. (In Russ.)
16. Kulik S., Matveichuk E., Samylovskaya E., Eidemiller C. The Catholicism and Sunni position and role in the Fascism and National Socialism ideological coordinate system at the turning point of the Second World War. *2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM-2015*. Aug. 26 – Sept. 1. B. 3, vol. 1, pp. 455–462. Available at: www.sgemsocial.org.

KULIK Sergey V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kulik54@mail.ru

SAMYLOVSKAYA Ekaterina A. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru